

БЕЖОМ

политика
идеология

Максимилиан Шелл:
Сов. рус. культура, 1986, ноябрь, с. 7

«Я НАЧАЛ ИЗУЧАТЬ

РУССКИЙ ЯЗЫК»

Имя известного швейцарского актера и режиссера Максимилиана Шелла стоит в титрах кинофильмов многих стран мира: ФРГ и США, Англии и Италии... Одна из его актерских работ последнего времени — образ Петра Великого в одноименном американском многосерийном телефильме, съемки которого проходили и в нашей стране. На состоявшейся недавно торжественной церемонии вручения премий «Эмми», которые ежегодно присуждаются Американской академией телевидения, картина «Петр Великий» была признана лучшим многосерийным телевизионным фильмом сезона 1985/86 года в США. Советским зрителям М. Шелл знаком по фильмам «Затворники из Альтоны», «Симон Боливар», по замечательной антифашистской картине С. Крамера «Нюрнбергский процесс», которая принесла актеру премию «Оскар». А на проходившей недавно в нашей стране Неделе фильмов ФРГ демонстрировалась лента «Затра в Алабама», где М. Шелл играет роль адвоката, пытающегося вырвать своего молодого подзащитного из-под влияния неонацистов. С вопроса о том, какое значение имеет для его творчества антифашистская тема, и начался наш разговор с Максимилианом Шеллом.

— В антифашистском духе меня воспитывали с детства. Я родился в Вене, хотя отец мой был швейцарцем. Когда Австрию захватили нацисты, отец попал в «черные списки» и был вынужден, точнее говоря, сумел увести семью в Швейцарию. С тех самых пор, как я начал сознательно мыслить, я ненавижу любые формы фашизма. Естественно, мои взгляды и убеждения отражаются на выборе тех фильмов, в которых я снимаюсь или которые я снимаю.

— В прошлом году на Московском международном кинофестивале демонстрировался ваш фильм «Марлен». Что побудило вас, никогда не занимавшегося документалистикой, создать эту картину? Обаяние личности Марлен Дитрих? Антифашистская направленность ее творчества? Легенды, которыми овеяно ее имя?

— Все это вместе. Я пытался исследовать легенду по имени Марлен Дитрих, я стремился понять, что это за женщина. А женщина она удивительная. Она, немка, в войну надела американскую военную форму, потому что была уверена в правильности этого шага. И она показала, что и один человек может добиться многого, если он занимает четкую позицию. Мы с Марлен Дитрих сразу нашли общий язык, как и во время съемок «Нюрнбергского процесса», когда познакомились. Марлен, которая сейчас живет в Париже крайне замкнуто, отгородившись от внешнего мира, не хотела появляться на экране. В моем распоряжении был только ее голос — 14 часов магнитофонных записей. Были фотографии, хроника, фрагменты из ее фильмов. Как все это соединить? Я решил быть со зрителем предельно откровенным, показать ему сам процесс создания фильма. Поэтому в начале картины мы на глазах зрителей воссоздаем интерьер комнаты, в которой я беседовал с Марлен, на протяжении всей ленты показываем, как мы ее монтируем, как отбираем одни эпизоды и отказываемся от других. Картина «Марлен» получилась экспериментальной по форме, но она, кажется, доносит до зрителей образ этой противоречивой и все же легендар-

ной женщины. Перед тем как приехать сейчас в Москву, я был с этим фильмом на кинофестивале в Нью-Йорке, и он вновь имел немалый резонанс.

— В нашей стране вас знают преимущественно как актера кино, однако вы много работали и в театре. Большой успех вам принесла, в частности, роль Гамлета. Недавно в Англии был создан документальный фильм «Великие Гамлеты». Среди тех, кого авторы ленты причислили к «великим Гамлетам» нашего времени, — Иннокентий Смоктуновский, Лоуренс Оливье, Джон Гилгуд, Жан-Луи Барро, Максимилиан Шелл...

— Да, действительно, это одна из важнейших моих ролей. Я трижды играл Гамлета: сначала, в 1961 году, на телевидении, затем, два года спустя, в Гамбурге, а в 1968 году в Мюнхене, в мною же поставленном спектакле. Он завоевал широкую известность и, как мне говорили, оказал определенное влияние на последующие постановки Шекспира. Впрочем, я и сегодня не расстаюсь с идеей вновь вернуться к «Гамлету». Мне хочется рассказать — с экранной или со сцены — историю пожилого актера, который одержим заветной мечтой: еще раз сыграть Гамлета, причем на языке оригинала. И вот, взяв все свои сбережения, он приезжает в Лондон, находит труппу молодых актеров и начинает репетировать спектакль, искривление веры в то, что для исполнителя этой роли главное не возраст, а умение передать внутренний мир, мысли и терзания Гамлета...

— Вы дебютировали в кино в качестве режиссера в 1970 году картиной «Первая любовь» по повести Тургенева. Какое значение имеет для вашего творчества русская, мировая классика?

— Я получил классическое образование, воспитывался на Чехове, Тургеневе, Толстом, Шекспире, Гете. Это вечные, непреходящие ценности, и когда сегодня я не знаю ответа на какие-то вопросы, которые ставят передо мной жизнь, я вновь и вновь обращаюсь к классике. Однако постепенно я убеждаюсь в том, что кинорежиссер должен заниматься не экранизацией литературных произведений, а поиском

материала, который требовал бы именно кинематографической разработки. Честно говоря, мне кажется, в кино невозможно воссоздать, к примеру, образ Петра Великого — слишком грандиозна эта фигура. Так что вряд ли я буду браться в будущем за экранизации, к тому же меня как режиссера все больше и больше интересует именно современность. Во всяком случае мой следующий фильм повествует о сегодняшнем дне, и снимать его я намерен в Нью-Йорке по сценарию Фридриха Дюрренматта.

— Вы уже обращались к творчеству этого писателя — в 1975 году поставили картину «Судья и его палач» по одноименному роману Дюрренматта.

— Да, его тогда очень увлекла работа в кино, и мы решили ее продолжить. Однако, заметьте, наш новый фильм будет уже не экранизацией. Дюрренматт впервые написал киносценарий. В нем рассказывается история крупного бизнесмена, который однажды узнает от совета директоров своей фирмы, что она обанкротится, если он, наделавший столько ошибок, не принесет себя в жертву. Ему предлагают сегодня в шесть вечера перейти улицу, где он будет сбит грузовиком. И вот в оставшиеся часы он подводит итоги прожитых лет, отчаянно ищет спасения и осознает, что спасения нет... Это трагедия, порожденная капиталистической системой, системой, которая как бы поедает своих собственных детей.

— Во время съемок телефильма «Петр Великий» вы долго находились в Советском Союзе. Знакомились ли вы с культурной, духовной жизнью нашей страны?

— Да, я убедился, что в нашей стране очень интенсивная культурная жизнь. Советский Союз занимает ведущее положение в области музыки, здесь очень интересная театральная жизнь. Я, к примеру, видел многие спектакли Театра на Таганке, там есть великолепные постановки. К сожалению, я плохо знаю современное советское кино, но мне очень нравятся картины Климова.

Работая над «Петром Великим», я имел счастье провести в Советском Союзе — в Москве, Ленинграде, Суз-

дале — около года, и за это время я не просто узнал вашу культурную жизнь — я прежде всего сумел познакомиться со многими советскими людьми. Прежде я дважды бывал в СССР, но оба раза на кинофестивалях, а потому общался в достаточно узком кругу. А в Суздале, во время съемок, я ежедневно встречал представителей самых разных профессий — рабочих и актеров, шоферов и статистов, и буквально в каждом я обнаруживал чувств, которое так свойственно сегодня простым людям и в Америке, и в ФРГ, и в Швейцарии, повсюду в мире — огромное желание предотвратить опасное развитие событий в мире. Мне кажется, многие сегодняшние политические деятели настолько оторваны от жизни своих народов, что не представляют себе их подлинных тревог и чаяний. Поэтому мне очень нравится, что господин Горбачев постоянно встречается с простыми людьми, выслушивает их мнение. Объявленный вашей страной односторонний мораторий на ядерные взрывы — это великодушный жест, который, как мне кажется, оказал доброе воздействие на мировое общественное мнение. Народы не хотят жить среди гор оружия, которым многократно можно уничтожить нашу землю. Но чтобы этого оружия стало меньше, политические деятели должны сесть за стол переговоров. Я считаю, что очень важны встречи в верхах, потому что они позволяют руководителям чисто по-человечески общаться друг с другом и преодолеть взаимное недоверие. Такие встречи, однако, должны, конечно же, приносить конкретные результаты.

Помочь преодолеть взаимное недоверие могут и контакты деятелей культуры, встречи рядовых граждан разных государств. Я, к примеру, никогда не смог бы участвовать в какой-либо войне, потому что у меня есть хорошие друзья в Советском Союзе (именно здесь я познакомился со своей женой — актрисой Натальей Андрейченко), и в США, и во Франции, и во многих других странах. У меня никогда не было никакого оружия, я ненавижу любое оружие, тем более ядерное, а также тех, кто его производит. Как раз против них был направлен поставленный мною фильм «Пешеход»...

Лучшее средство преодолеть недоверие — совместная работа, совместное творчество. Мы все очень хорошо почувствовали это в Суздале. Так что в будущем я, например, с удовольствием снялся бы в картине советского режиссера. Мне было бы также весьма интересно поставить спектакль в московском театре. У меня даже есть на примете пьеса — «Сказки Венского леса» австрийского писателя Эдэна фон Хорвата. Название знаменитого вальса, символизирующее идиллическое представление о Вене, вынесено в заголовок пьесы с иронией: Хорват рассказывал трагическую историю из жизни «маленьких людей». Эта превосходная пьеса имеет явную антифашистскую направленность — не случайно ее запрещали гитлеровцы. Мне кажется, она могла бы иметь здесь, в Советском Союзе, немалый успех, и я с огромным удовольствием взял бы за ее постановку. Думаю, языковой барьер можно будет преодолеть. К тому же я ведь начал изучать русский язык!

Беседу вел
А. ГУРКОВ.

● Максимилиан Шелл.
Фото автора.